

**Сергей Николаевич Сергеев-
Ценский**

Преображение России

Преображение человека, часть 1

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Преображение России : Преображение человека, часть 1 / Сергей Николаевич Сергеев-Ценский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 166 с.

ISBN 978-5-4241-1805-0

Историко-революционная эпопея "Преображение России" замечательного русского советского писателя С. Н. Сергеева-Ценского включает в себя двенадцать романов и три повести, являющиеся совершенно самостоятельными произведениями, объединенными общим названием.

ISBN 978-5-4241-1805-0

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Сергеев-Ценский Сергей
Преображение человека
(Преображение России - 2)

Сергей Николаевич СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ
ПРЕОБРАЖЕНИЕ РОССИИ
Эпопея
ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА
ЧАСТЬ I
"НАКЛОННАЯ ЕЛЕНА"

I

Молодой горный инженер Матийцев, заведующий шахтой "Наклонная Елена", решил застрелиться в воскресенье, 6 мая, в 11 часов вечера, и рано утром в субботу, подымаясь привычно по гудку, он старался как можно тверже прочертить в сознании последовательность того, что нужно сегодня сделать... Прежде всего, непременно обойти шахту - это для того, чтобы в последний раз оглядеть спокойно то, что горячо проклято и от чего, наконец, уходишь совсем.

Этого можно было не делать вчера, но сегодня необходимо нужно. Обход кончить полагал он раньше, чем всегда, наряд рабочих на завтрашний день поручить штейгеру Автоному Иванычу, затем с вечерним поездом поехать в Ростов, чтобы в воскресенье утром отослать почтой восемьсот рублей, сбереженные от годового жалования, матери в Петербург.

Почему именно деньги эти нужно было отправить там, в Ростове, а не здесь, в поселке Голопеевке, верстах в двух от рудника, - это было не совсем ясно для него самого; просто здесь были знающие его почтовые чиновники, деньги же отправлялись не кому-нибудь постороннему, а матери, и не захотелось, чтобы случайно или намеренно прочитали текст перевода, хотя он ничего о себе не писал: думал послать отдельное письмо матери и отдельное сестре Вере, учительнице.

Из сна он выбился уже недели две, и во время этих кошмарных, жутких ночей, когда безостановочно все ходило по комнатам, он все уже решил, подвел итоги всему и теперь похож был на отъезжающего, уложившего в чемоданы решительно все, до последнего куска мыла.

Домашние мысли в дорогу не годятся - и появились в нем уже те, другие мысли; начинало уже охватывать кольцо потусторонности, когда все кругом, все еще вчерашние интересы и тревоги вызывали только снисходительную улыбку мудрых или сошедших с ума.

Известно, что люди умирают, как живут. Люди горячие, полнокровные иногда за день до смерти не знают еще, что убьют себя: зреют и решаются сразу, как горячий купальщик, - еле скинув рубаху, уже бросился в воду быком. Люди холодные долго сидят на берегу Леты, мочат голову и грудь, поглаживают бедра, пробуют воду ногой; зато это именно они отталкивают спасательные круги, не хотят принимать противоядий и срывают повязки со свежих ран.

Матийцев не был ни холоден, ни горяч - он был только очень молод и одинок - просто не успела еще обмозолиться душа. Это был худощавый блондин лет двадцати четырех, с высокой головой и несколько близко к носу посаженными, несколько близорукими глазами, отчего у всего лица был немного наивный, прислушивающийся вид. О нем говорили, что ему повезло получить шахту прямо со школьной скамьи, но в "Наклонной Елене" последнее лето он работал студентом-практикантом и знал ее, а тут случилось, что заведующий этой шахтой перевелся на Кавказ на марганец и главный инженер Безотчетов взял Матийцева

на свою ответственность: он ему нравился, как серьезный работник; он приходил на работу в шесть утра вместе с шахтерами и уходил на дневную поверхность только к обеду, а там машинное отделение, сортировочная, мастерские - хозяйство большое, сложное, и везде нужен свой глаз.

Было две "Елены" этой же бельгийской компании: "Вертикальная", как более старая, была оборудована лучше, а в "Наклонной", существующей всего пятый год, вводить новшества считали пока лишним. Двухаршинный пласт угля шел в ней с перерывами: доходил до каменного перевала и задавал инженерам задачу, продолжается ли он за перевалом. Бурили перевал, взрывали динамитом, находили за ним угольный пласт, который разбухал потом до двух аршин снова, и опять рылись в нем шахтеры: крепили своды сосновыми балками, прокладывали рельсы, отводили воду в канавки (шахта была сильно мокрая), и к прежней запутанной сети штреков прибавлялся новый с боковыми печами. За недолгие годы пробуравили этих штреков и квершлагов на тысячи сажен. Иногда штреки соединялись совсем низенькими узенькими дырами, по которым можно было пробираться только "вплавь", ползком. Это было трудно и как-то мерзко, обидно для человека.

По узким штрекам гулко мчались лошади и бензиновозы с вагонами, потом по бремсбергам вагоны подымались наверх, и здесь чумазый мальчишка на черной доске мелом озабоченно вел им счет. Если уголь попался с породой, то в сортировочной, на движущихся сетках, целый полк столь же чумазых девчонок-глейщиц, - которых шахтеры безулыбочно называли барышнями, ловко отбирал глей, а чистый уголь по деревянным эстакадам проворно катился и опрокидывался в угольные ямы. Им отчасти питались соседи химический и металлургический заводы, но, конечно, несравненно большая часть его отправлялась по подъездной ветке на станцию.

Среди ветхозаветных полей степных дюжина дюжих горластых труб, сложные формы надшахтных зданий, заводы, красное, очень тревожное и днем пламя коксовых печей, и все это в густом, зловещем по окраске дыму было так неожиданно для того, кто видел это впервые.

На заводы с рудника уголь безостановочно плыл в вагончиках по воздушной электрической дороге прямо над посевами пшеницы, и никакого соответствия не было между этой пшеницей, первобытным образом посеянной руками дешенных крестьян, и вагончиками вверху; и человек с игривой фантазией мог бы, подвезжая к Голопеевке, вообразить, что здесь поставлен хитроумнейший капкан для уловления земного нутра, и нутро земное уж здорово защемлено и от боли, а главное, от конфуза зверем ревет через высоченные трубы.

На заводах и в шахтах кругом было тысяч семь рабочих, и это они год за годом заселяли поселок Голопеевку. Сначала долго ходили осматривать и всячески измерять отдающийся в аренду участок, потом решительно устанавливали угловые столбы дома, натягивая крышу, нанимали баб смазывать кое из чего сбитые стены глиной с навозом, а месяца через два справляли уж новоселье и звонко переругивались с соседями из-за цыплят, поросенка, котенка, собаки, помоев, ребят, бабьих сплетен. Так вырастали улицы, очень широкие, степные, а на главной десятка два предприимчивых армян устроили бакалейные магазины, фруктовые лавки, винные погреба, на одном углу появилась прекрасная вывеска: "Бараночное и крендельное заведение Восход Ивана Пискунова"; на другом -

"Готовое платье Перешивайлова", потом акушерка Бабкина, сапожник Кислый, портной Желтобрюх, а кто не очень дорожил своим здоровьем, мог достать здесь даже колбасы "собственной заготовки Мокроусова из Козлова". Ближе к заводам и кладбищу разбит был чахлый общественный сад с деревянным собранием и открытой сценой, на которой подвизались иногда весьма захудалые людишки актерского звания, или шансонетки, или борцы, или труппа ученых слонов, или какой-то "заезжий шут Капуцинов" оповещал о своем прибытии сюда красной огромной афишей: "Прохожий, если даже ты с дамой, остановись перед сею рекламой!.." Какой-то Кебабчиев устроил в Голопеевке Hotel Hermitage и о том, что при этом отеле имеется "роскошная ванная комната", оповестил все станции в округности верст на двести: до того хотел обрадовать как можно больше народу. А ванная, действительно, весьма не мешала в Голопеевке, так как вечно дул ветер над степью и летом вздымал тучи черной пыли по дорогам, а в самом поселке стояла густая гарь и копоть из труб. Реки здесь не было, а пруд, устроенный в балочке заводами, ими же и загрязнялся до того, что даже привычные шахтеры, приходившие сюда иногда погулять и постирать на свободе портянки, и те долго крутили носами, выбирая местечко посвежей.

Инженеры завели при летнем саду свои комнаты, в которых скучно играли в преферанс и на бильярде. Большой частью все это был холостой народ, а по духовным качествам - деловой, оборотистый, скупой, малоразвитой и грубоватый. Когда ездили куда-нибудь по железной дороге, привозили с собой иногда пачку пестрых юмористических журнальчиков - этого и хватало на месяцы; газет почти не читали, и крупные новости, волновавшие города, узнавали иногда долго спустя, когда уж новостями их никак нельзя было назвать; имели обветренные лица, чумазные руки, ходили в высоких сапогах и манерами, и голосом, и привычкой очень долго, очень крепко и очень продолжительно ругаться напоминали армейцев.

Молодость - переходное, мечтательное, мягкое, странное время жизни у Матийцева затянулась несколько дольше, чем полагается инженеру, и от этого трудно было ему: она была здесь совсем не к лицу, в "Наклонной Елене".

Когда раньше приезжал сюда на практику Матийцев, он смотрел на это, как на необходимую студенческую работу, но жить здесь годы - это как-то не представлялось ему ясно. Власть над пятьюстами шахтерами - это бремя так легко как будто нес его предшественник, но для него, деликатного от природы, оказалось оно чересчур трудным. Он старался придать своему лицу как можно более внушительный вид: насупливал брови, нарочно запустил клочковатую бородку, говорил горлом, чтобы выходило гуще, часто повторял: "Понял? Слышишь?.. Ну вот..." и десятникам, пожилым, почтенным людям, говорил "ты". Иногда покрикивал на возражавших: "Молчать! Ни слова!", но при этом голос у него звучал резко, неприятно, по-бабьи, и за этот голос, должно быть, как школьники, меткие на прозвища, шахтеры прозвали его "свекрухой", а за вечное ныряние по шахте - бурундуком (землеройкой).

Летом с ними было труднее, чем зимой; летом уходили домой на поля казанские татары, нижегородцы, тамбовцы, пензенцы и здешние украинцы, а оставались или приходили шатуны, всегубернские вольные бродяги, которые работали только до первополучки, потом уходили. Между шатунами попадались потомственные дворяне, сыновья генералов, был один граф и еще один неизвестный

под именем "итальянского короля": действительно, сказочно был похож на Виктора-Эммануила, хорошо говорил на трех языках, а кто он был раньше, как получил подложный паспорт на имя безграмотного крестьянина Севастьянова, трудно было узнать. В праздники после получки шахтеры представляли пьяную буйную орду, с вечными драками, увечьями, даже убийствами, и на здешнем кладбище маляру Дряпачеву часто приходилось вырисовывать такие надписи: "Под сим крестом покоетсR прах Семена Белошапкена. Убит невинно рукой злодеR 29 ииунR" ("я" он писал как R).

Или так: "Незабвенный мученик, мир твоему праху! Здесь покоется прах Павла Коренькова, скончавшегося на 23 году своей жизни от злого сердца, злого умысла и бесчеловечных предателей. И вы прочтите, последователи Иуды, да украсится ваша совесть печатью Каина за пролитую кровь мою и горе матери моей..."

Иногда же, когда кто-нибудь не мог дать за столь трогательную надпись Дряпачеву, а поручал это кладбищенскому сторожу из солдат, Фоме Кукле, надписи на крестах получались короче, даже совсем краткие, так:

Ни

гу

Тюрин Максим

А

у

Кто способен был вдуматься в это, узнавал о покойном, что он был Нижегородской губернии, Арзамасского уезда.

Казармы для шахтеров были набиты битком - по три, по четыре семьи в одной комнате, кое-как разгороженной ситцевыми занавесками, и три-четыре тупые беременные бабы поедом ели там друг друга, а бессчетные клопы по ночам ели без разбору всех. Спали на нарах. Так как казармы имели вид деревянных балаганов, причем доски в стенах пригнаны были кое-как, то зимою сквозь щели дуло. Заразные болезни не выводились, и в здешней рудничной больнице было только два отделения: для хирургических и заразных.

Платили рабочим ордерами, которые здешние мелочные лавочники, торгующие всякой дрянью, больше же всего водкой, принимали за полцены.

В первое время Матийцев писал матери:

"...В сущности, это ужасно! Несчастнее этих людей я не могу себе представить. Они живут как-то, но просто в силу человеческой живучести... И я, как инженер, принужден их давить, не считаться с ними, как с людьми, выжимать из них соки... И если лично не делаю этого, - все равно это делают помимо меня... Привыкнуть к этому можно ли?..."

Он так и не привык к этому за год службы в "Наклонной Елене", хотя не без удовольствия слушал иногда командирский зык своего штейгера, Автонома Иваныча, который был из казаков с Дона, имел веселые яркие разбойничьи глаза, черные смоляные густые волосы и усы кольцом, бурое лицо с отеками, бравую походку и зачем-то носил на руках татуировку из якорей, змей, топоров, молотков, сердец, пронизанных стрелами, и прочей чуши, "чтобы не подменили".

II

Сложный узел причин, толкающий человека в нездешнее, - как развязать

другому? И если бы Матийцев вздумал рассказать о том, из-за чего у него вышел разлад с жизнью, Автоному Иванычу, например, - бравый штейгер просто счел бы его дураком. Но вот что случилось последовательно с Матийцевым с января по май.

В январе был весьма неприятный разговор по службе с главным инженером Безотчетовым - разговор неизбежный, по существу дела. При прежнем заведующем "Наклонной Елены" пуд угля обходился в последнее время в 5,3 копейки; при нем же, хотя он и больше работал, поднялся до 6,4. Об этом и раньше говорили, но, наконец, в ответ на беспокойный запрос дирекции, Безотчетов пригласил Матийцева поговорить решительно.

Безотчетов был сухощекый, катарального вида, вдоволь наглотавшийся угольной пыли, раздражительный, облезлый человек лет сорока пяти, не из особенно удачливых в жизни и теперь всячески сколачивающий капиталец, чтобы, наконец, отдохнуть. И когда заходил по делу иногда к нему Матийцев, это был радушный хозяин, хотя и с вечным раздражающим кашлем, и с откровенной зевотой, и с долгим сидением у камина, и с газетной политикой; когда же он сам навещал "Наклонную Елену", он был наигранно строг, делал частые замечания, тягуче начиная их словами: "Послушайте - никогда нельзя..." или: "Поймите же - всегда нужно..." Озабоченно совал всюду сухое лицо и привычно ругал рабочих. Но таким еще не видел его Матийцев: перед ним сидел он, наклонив острую голову, постукивая не в такт тощими пальцами по столу, подняв косяком брови, слова не цедил, как обыкновенно, - был короток и точен - и, главное, сделал из своих и без того маленьких глаз какие-то две ярко-белые, уничтожающие точки.

- Отчего же, - говорил он, - на "Вертикальной", - вот... Яблонский и кутила - это всем известно, - и мот откровенный, и бабник явный, когда все это успевает, - неизвестно, но у него четыре, восемь десятых, а у вас шесть, четыре десятых - это разница!.. Там, конечно, есть обстоятельства, и вам известные, и нами они учтены, но-о... при тех же обстоятельствах у вас было бы от силы пять, шесть десятых, а у него четыре, восемь десятых... Вот он получил премию, а вы нет. Он премию, а я за вас нагоняй!

- Да, это нехорошо, - согласился Матийцев.

- Хорошего мало-с... У вас есть хорошее качество: вы добросовестный, одна-ко... в конечном счете это для компании ведь безразлично... вы понимаете?.. раз это дает такой результат.

Посмотрел на него долго и неприязненно и добавил:

- Наконец, вы ведь подводите меня, а? Так как это благодаря мне вы получили шахту, а теперь вами же мне глаза колют... Приятно?

Это было уже грубо.

- Тогда я оставлю шахту другому, более способному, - покраснев, сказал Матийцев все, что и мог сказать.

- Особенной необходимости в этом пока нет. Удвойте энергию.

- Куда же еще? Я работаю семнадцать часов в сутки, отупел, ничего не читаю... В десять вечера сваливаюсь, как камень, в пять на ногах...

- Подберите хороших десятников... Сдайте артельщикам хотя бы всю работу, уж они не дадут маху... Требуйте строже.

Потом он начал говорить об экономии: на креплении, на плате рабочим, на

рельсах, на мазуте, на костылях и еще на многом, даже на овсе лошадям, советовал за кем-то проследить, кого-то подтянуть, на кого-то не полагаться - то, что слышал Матийцев уже много раз.

- Ибо что такое инженер в шахте? Прежде всего коммерческий человек. И все ваше назначение в том, чтобы уголь в добыче обходился как можно дешевле, а какими мерами вы этого добьетесь, это уж дело ваше и компании не касается. Вот и все... Поняли?.. Что вам и нужно помнить.

К концу этой неприятной беседы Безотчетов подобрел, оставил его обедать, жена его, Мария Павловна, молодящаяся дама, которая видимо благоволила к Матийцеву, была теперь больше, чем всегда, по-женски внимательна и далека от всего противного, делового; четыре канарейки беспечно заливались, две москвы сыто урчали, заглядывая снизу в его глаза, и даже Безотчетов, рассолодев от горячего, прощаясь с ним, решил добродушно: "Ничего, Александр Петрович, только нажмите педаль. И... не срамитесь". Но неприятный осадок от этого разговора - своя непригодность плотно засел уже в душе и много занял там места.

В феврале цена пуда спустилась было до 5,9, но в марте опять поднялась до 6,3, и опять забеспокоился Безотчетов.

В апреле, в первой половине, пришлось Пасха, когда дней семь-восемь не работали в шахтах, - шли ремонты, которыми ведали подрядчики, - и можно было несколько отдохнуть от ненавистного рудника. Заведующий "Вертикальной Еленой" Яблонский направился в Житомир навестить свою там усадьбу. Матийцев же поехал в Воронеж, где, как знал, жила теперь у своего отца Лиля, курсистка, которую он скромно издавала любил.

Встретились случайно в Москве года два назад на совсем плохой картинной выставке, где оказалось их только двое в совершенно пустых залах. Поразило, что она, как королева: высокая, с корзиной пепельных волос, с лицом тонким, белым, северным, зябко ушедшим в меховое боа, нарядно одетая, даже странно было, зачем она здесь? Точно сказка. И еще больше поразило, что она обратилась к нему первая, когда они близко стояли: "Ну, а вы... нашли хоть один сносный номер?" Голос грудной и досадливая складка на лбу. Взволнованный, удивленно-радостный, он повел ее смотреть отмеченный им свежий этюд. Поговорили немного о живописи, которую любил Матийцев, и она простилась, плавно кивнула головой и плавно ушла, а когда ушла, сразу же стало нечего смотреть в этих скучных залах, и, выйдя следом за нею, он видел и слышал, как шла она вдоль длинного ряда извозчиков, высокая, легкая, и бросала на ходу: "Пречистенка, двугривенный... Пречистенка, - двугривенный... Пречистенка, двугривенный..." Заметил удивленно, что только пятый задергал было вожжами и только седьмой, бородатый, рыжий, в серебре инея, повернулся и отстегнул полость.

И так пусто стало, когда она умчалась, и так просторно, как будто не Москва была кругом, а чистое поле, и так досадно, так неслыханно жалко стало, что вот уехала навсегда, а он даже не спросил, не сумел спросить, кто она, где живет. И все Рождество было тосливо.

Но к весне они нечаянно встретились в Петербурге, в театре, и потом стали встречаться намеренно. Ничего не было сказано такого, что по-особенному волнует: были как товарищи, говорили о студенческом. Он понимал, конечно, что не он же один открыл ее, и все боялся оказаться смешным.

Когда уехал он в Голопеевку, писал ей, стараясь, чтобы письма выходили заботливые, не навязчивые, не глупые, и в ответ получал надушенные листки, написанные энергичным по-мужски почерком. В этих письмах, по исконному обычаю всех русских девушек, категорически решались всевозможные вопросы, в каждом письме новый, и, казалось бы, ей все равно, кому писать, лишь бы решить тот или иной вопрос на листке непременно надушенной почтовой бумаги, но Матийцева всякое письмо ее наталкивало на множество мыслей и волновало долго.

Вместо подписи ставила она почему-то одну букву "Э" - так ей нравилось с буквы "Э" начинать свое имя Елизавета - и непременно запечатывала большие узкие конверты фамильной печатью по серому сургучу.

Неизменность привычек и мужской крупный почерк тоже нравились Матийцеву. Но у нее и лицо было красиво-спокойное в линиях: оно боялось улыбок; действительно, улыбки делали его обыденнее, мельче.

И это спокойствие единственно дорогого лица здесь, среди вечных гудков, свистков и рева труб над землею, грохота бензиновозов и лошадей с вагонами в земле, стало казаться понятным, больше того - необходимым даже. Она точно тихий монастырь в себе носила с очень нежными, очень тонкими, очень хрупкими стенами, сводами, куполами, и его даже улыбкой тревожить было нельзя. Отсюда это так ясно видно было, так нужно было именно это представить, потому что жила в душе настоятельная потребность в нежной тишине, и куда же еще было стремиться от вечной рудничной грязи, от едкой рабочей ругани, от тысячи ненужных душе забот, как не в тихую чистоту?

В последнем письме, перед Пасхой, Лиля сообщила, что Пасху проведет в Воронеже, у родных, и случайно или намеренно дала свой адрес там: Старо-Московская, свой дом. Матийцев понял это так: намеренно, и поехал в Воронеж.

Была хорошая весна: звучная, полноводная, пушисто-зеленая, бодрая, парная, выпирающая из всех швов земли и неба... или это только казалось так. Когда входили в вагон на станциях разные степные люди, все они были уж до тепла загорелы, голосисты, ясноглазы, и даже от их высоких калош, заляпанных грязью, веяло деловым строительством земным, непреклонностью, решимостью в борьбе и всевозможными лихими "черт возьми", и шапки у всех были неистово набекрень. Тогда и в нем самом легко и просто решалось, в какой из трех комнат его домика на руднике должно стоять Лилю пианино.

Дом на Старо-Московской он нашел: деревянный, когда-то крашенный в лиловое, теперь серый, широкий по фасаду, с резными окнами. Дворник или кучер поднялся навстречу от ворот, важный, старый, совсем как апостол Петр.

- Экая фигура!.. Тебя не Петром ли зовут? - улыбаясь, спросил Матийцев.

- Нет... Терентий...

Подтянул плисовые шаровары, одернул красную рубаху. А о барышне сказал: "Доложу пойду..." Пока же провел его на антресоли.

За широким двором заметил Матийцев липовый сад, площадку для лаунтенниса, пегую борзую над припавшим к земле хитрейшим серым котом, и подтыканная баба, расположившись на скамейке под пихтой, сурово чистила суконкой канделябры, а на нее сверху сыпалась старая хвоя.

Матийцев догадался, почему привел его Терентий на антресоли: страстная

пятница, уборка, в комнатах кавардак, должно быть, и ждал он Лилию с таким волнением, что даже руки похолодели.

Он представлял уже столько раз это свидание раньше: выходит навстречу Лилия с корзиной волос своих и ясным взглядом и вскрикивает: "Вы? Вот как! Какими судьбами?.." Но она вошла, гладко причесанная, с заплетенными косами, отчего голова показалась неестественно маленькой, платье на ней было простое, домашнее, перехваченное кожаным поясом, и первое, что она сказала, было:

- Фу, какой у вас гнусный галстук!

При этом она даже плечами пожала и покраснела оскорбленная, и гримаса почти физической боли показалась на лице, и глаза стали злые.

Матийцев растерянно прикрыл галстук рукою, сразу почувствовал, что он действительно гнусен, хотя был это обыкновенный серенький галстук бантиком.

Потом как-то совсем не мог наладиться разговор: ясно было, что явился Матийцев не вовремя. Тонкие пальцы Лилии были в розовой краске; сидела она, как на иголках, отвечала невпопад; часто подходила к окну - перебирала цветы в банках, или к роялю - перелистывала ненужные ноты. Не скрывая, ждала нетерпеливо, когда же он уйдет наконец.

Уходя, он спросил, можно ли ему прийти на Пасху.

- Ну, конечно, приходите!.. На второй день... или, лучше, на третий!..

И так радостно прощалась с ним, что он решил было тут же ехать к матери и сестре в Петербург. Но то, что лелеялось в долгие зимние месяцы, не могло так сразу разлететься весной, и Матийцев три дня сидел в номере гостиницы, по непривычке к такому огромному количеству свободного времени совершенно измучился, исходил вдоль и поперек город, избегая только вокзала, чтобы не бежать внезапно и малодушно, а когда на третий день собрался идти (в новом уже галстуке - белом), так долго волновался, что не спросил точно: когда именно прийти? Во сколько часов?

И как и в первый раз, так и теперь, но уже принаряженный и с намащенной серой головой Терентий (теперь потерявший всякое сходство и с Петром и вообще с кем-либо из святых), сильно выпивший и с завороченно-красными веками, как у больших старых догов, покачнувшись, сказал ему: "Христос воскрес!", и, предупредительный, должно быть, Лилей, провел его опять на антресоли. Но, проходя по двору, Матийцев не мог не заметить ее в саду, где было многолюдно, весело, играли в лаун-теннис под липами и среди белых платьев и черных сюртуков очень ярко (день был солнечный) блестел круглый эполет на кирасирском мундире.

Матийцев знал, что у Лилии здесь отец, мать, братья, и только теперь понял, что она даже не хочет и знакомить их с ним, что для нее он просто "один знакомый инженер", не больше, чем бы сам он ее ни считал.

Она вбежала к нему, праздничная, возбужденная игрой, и не успела еще поздороваться, как уже засмеялась:

- А знаете, вы совсем одичали в своем руднике!.. И борода эта... извините меня, - она у вас очень смешная, очень... ха-ха-ха... очень!

Потом она спросила его, надолго ли он приехал в Воронеж и зачем, что здесь делает? Совершенно растерявшись, он пробормотал о каких-то делах по отправке угля, добавил зачем-то, что инженер должен быть человеком коммерческим,